

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. И. Багал'їй. „Къ исторіи ученій о бытѣ славянъ“ (Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученія о національных особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ 1892 г., 336, XII“). Кіевъ 1892 г.

Проф. И. М. Собѣстіанскаго.

Въ октябрьской, ноябрьской и декабрьской книжкахъ Кіевской Старины проф. Багал'їй напечаталъ пространное критическое разсужденіе подъ заглавіемъ „Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ“ ¹⁾. Разсужденіе это, обнимающее четыре печатныхъ листа (59 страницъ), имѣетъ цѣлю доказать несостоятельность моего труда „Ученія о національных особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ (Харьковъ, 1892). Въ виду того, что раскритикованная книга представляетъ мою докторскую диссертацию, я поставленъ въ необходимость выяснить настоящее значеніе работы г. Багал'їя.

Въ своемъ разсужденіи проф. Багал'їй привлекаетъ къ отвѣтственности не только мою диссертацию, но и мой диспутъ, и даже „положенія“ къ моей диссертациі. Благодаря тому обстоятельству, что возраженія всѣхъ моихъ оппонентовъ, а также и мои отвѣты напечатаны въ послѣднемъ номерѣ „Историческаго Обозрѣнія“ (т. V, стр. 179—191), я имѣю возможность отвѣтить на всѣ возраженія г. Багал'їя, опираясь исключительно на печатные документы.

Проф. Багал'їй прежде всего останавливается на „существенныхъ пробѣлахъ“, встрѣчаемыхъ въ моей книгѣ, и упрекаетъ меня „въ нежеланіи“ знакомиться съ сочиненіями, „извѣстными даже просто обра-

¹⁾ Разсужденіе г. Багал'їя вышло и отдѣльною брошюрой, текстомъ которой я пользуюсь для своихъ ссылокъ.

зованнымъ людямъ“ (стр. 9—10). Подъ этими сочиненіями г. критикъ разумѣетъ слѣдующія работы А. Н. Пыпина: 1) Исторію русской этнографіи; 2) статью объ успѣхахъ славяновѣдѣнія въ Россіи и 3) въ особенности статью о Гердерѣ (*ibid.*).—Статья А. Н. Пыпина о Гердерѣ появилась въ 1890 г. (Вѣстникъ Европы мартъ и апрѣль) и вызвана была опубликованіемъ русскаго перевода двухтомнаго труда Гайма о Гердерѣ. Еще за годъ до появленія статьи А. Н. Пыпина я докладывалъ въ Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ свой рефератъ о Гердерѣ, при составленіи котораго я пользовался и вышеупомянутымъ сочиненіемъ Гайма и который, безъ всякихъ измѣненій, составилъ вторую главу моей книги. Содержаніе этого реферата изложено въ томъ самомъ томѣ Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, на который ссылается г. Багалъй на первой страницѣ своего разсужденія (см. прим. 1-е). Когда годъ спустя я ознакомился съ статьею о Гердерѣ А. Н. Пыпина, то увидѣлъ, что авторъ ея не останавливается на выясненіи происхожденія IV-й главы послѣдняго тома „Идей“ Гердера и ея значенія для славянской литературы; лишь въ примѣчаніи онъ ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Въ Идеяхъ“ Гердеръ посвятилъ славянамъ небольшую главу, гдѣ высказалъ сочувствіе къ этому племени и надежду, что оно будетъ имѣть лучшее будущее. Это было замѣчено славянскими патріотами конца XVIII и начала XIX вѣка, какъ рѣдкое въ нѣмецкой литературѣ выраженіе сочувствія къ подавленному и пренебрегаемому племени, дѣлавшему тогда первыя слабыя попытки къ національному возрожденію, тѣмъ болѣе, что они находили союзника въ имени знаменитаго писателя“ (Вѣстникъ Европы апрѣль 1890, примѣч. 2-е на стр. 668-й).—Главная задача, которую поставилъ себѣ А. Н. Пыпинъ, заключалась въ томъ, чтобы представить важнѣйшіе факты изъ біографіи Гердера и внѣшніе черты его литературной дѣятельности, а затѣмъ изложить содержаніе его произведеній (см. Вѣстникъ Европы, мартъ 1890, стр. 282). Такъ какъ съ сочиненіями Гердера я былъ знакомъ непосредственно, біографическія же свѣдѣнія въ избыткѣ я нашелъ въ трудѣ Гайма, то становится понятнымъ, почему я не упоминаю въ своей книгѣ о статьѣ А. Н. Пыпина о Гердерѣ.—Мнѣ не зачѣмъ было ссылаться и на два другихъ произведенія того же автора въ виду того, что я пользовался вторымъ изданіемъ (1890 г.) извѣстнаго его труда „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“, гдѣ подробнѣе нежели въ другихъ сочиненіяхъ А. Н. Пыпина говорится о русскіхъ славянофилахъ. Ни во второмъ изданіи „Исторіи русской этнографіи, ни въ статьѣ объ успѣхахъ славяновѣдѣнія въ Россіи А. Н. Пыпинъ

не измѣнилъ, и не могъ измѣнить своихъ взглядовъ; а потому я нашелъ совершенно излишнимъ ссылаться на два послѣднихъ его сочиненія.

Не считаю я „пропускомъ“ и неупоминаніе въ моемъ изслѣдованіи трудовъ Д. Я. Самоквасова, Кояловича, Морошкина, Полеваго и др. Я касался въ своей диссертациіи лишь наиболѣе выдающихся фактовъ славянской научной литературы и при томъ останавливался на трудахъ, обнимающихъ все древнее славянство. Прекрасно извѣстное мнѣ сочиненіе Крека „Einleitung in die slawische Literaturgeschichte“ не вошло въ мою книгу потому, что это не есть „замѣчательная книга“, какъ думаетъ г. критикъ вслѣдъ за рецензентомъ газеты „Русскія Вѣдомости“ (стр. 9), а компиляція, правда довольно обстоятельная, въ которой лишь мимоходомъ затрогиваются интересующіе меня вопросы (стр. 147, 303—304, 371—372).—Я не „обходилъ молчаніемъ“ (Багалѣй, стр. 8) нѣмецкихъ ученыхъ, придававшихъ мрачную окраску древне-славянской жизни, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, раскрывъ 101-ю страницу моей книги. Въ частности, что касается Гебгарди, то изъ извѣстнаго его труда о славянахъ я дѣлаю длинную выдержку на стр. 221—224; того же писателя я цитирую и въ примѣчаніи 168-мъ.—Упрекъ, дѣлаемый мнѣ г. Багалѣемъ въ слишкомъ и конспективномъ изложеніи „книги“ Антона совершенно неоснователенъ и указываетъ, что г. критикъ никогда не читалъ этого сочиненія. Небольшой трудъ Антона написанъ въ 1783 г. и самъ представляетъ лишь сжатый конспектъ, почему авторъ и назвалъ его „Erste Linien eines Versuches“ etc. Конспективный характеръ труда Антона обусловилъ и конспективность моего изложенія, и разныя догадки и заподозрѣванія (стр. 35) по этому поводу г. критика лишены всякаго основанія.

Г. Багалѣй приписываетъ мнѣ дѣленіе всѣхъ славистовъ на „трезвыхъ“ и „нетрезвыхъ“, очень много говоритъ по этому поводу, дѣлаетъ обширныя выписки и посылаетъ по моему адресу разныя колкости и насмѣшки (стр. 36—38). Но въ моей книгѣ такого дѣленія не встрѣчается, о чемъ упоминалъ я и на диспутѣ, отвѣчая М. С. Дринову. На стр. 181-й Историческаго Обзорѣнія (т. V-й) читаемъ: „Въ отвѣтъ на это замѣчаніе дефендентъ (т. е. я) заявилъ, что если въ своей книгѣ онъ и указываетъ на противоположность между двумя группами ученыхъ, то дѣлаетъ это различіе, имѣя въ виду *исключительно* ихъ отношеніе къ вопросу о виновности и насильственности славянъ, какъ прирожденномъ свойствѣ послѣднихъ“.

Г. критикъ обвиняетъ меня въ томъ, что будто въ своей книгѣ я дѣлаю на стр. 98-й „буквальное заимствованіе“ у Шафарика, а въ текстѣ книги ссылаюсь только на Добровскаго, и, кромѣ того, „одну

фразу“ (весьма характерно, что проф. Багал'йй не указывает—какую именно) „можно сказать (?), буквально“ заимствую у Шафарика (стр. 26—27, 58).—Надо удивляться смѣлости г. Багал'я печатно возводить на меня такое несправедливое обвиненіе. Вѣдь на стр. 98-й я прямо отсылаю читателя къ примѣчанію 227-му, а это примѣчаніе гласитъ: „см. Шафарика, слав. древн. II, § 37, прим. 33 на стр. 143“. Грустно видѣть, что находятся ученые по профессіи, которые въ своей критикѣ прибѣгаютъ къ такого рода приемамъ, подрывающимъ въ читателяхъ довѣріе къ ученымъ трудамъ. Въ своей книгѣ я привелъ мнѣніе Добровскаго объ извѣстномъ разсказѣ Теофилакта о славянскихъ гуслирахъ и сослался не на Добровскаго, а именно на Шафарика по той простой причинѣ, что, не имѣя подъ рукой рѣдкаго журнала (*Jahrbuch der Literatur*, 1824, 3.127), въ которомъ Добровскій напечаталъ свое мнѣніе, я взялъ это мнѣніе изъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарика, на что и указываю въ примѣчаніи 227-мъ.

Къ числу „существенныхъ недостатковъ“ моей книги проф. Багал'йй относитъ „невыясненность основныхъ понятій“. „Книга его“ (т. е. моя), замѣчаетъ онъ, „посвящена вопросу о бытѣ „древнихъ славянъ“; а между тѣмъ изъ книги не видно, что разумѣлъ авторъ подъ словомъ „древніе славяне“ или правильнѣе говоря, изъ книги читатель выноситъ различныя противорѣчивыя представленія по этому вопросу: одинъ разъ разумѣются тутъ дѣйствительно древніе славяне до VI в. по Р. Х. включительно; другой разъ рѣчь идетъ о славянахъ VI—IX в., третій разъ, наконецъ, говорится о славянскихъ племенахъ X, XI и XII вѣковъ“ (стр. 12).

Подъ „древними славянами“ я разумѣлъ въ своей книгѣ „языческихъ славянъ“, и такъ какъ балтійское славянство упорствовало въ язычествѣ еще въ XII ст., то весьма естественно, что я захватилъ и этотъ вѣкъ. Почти всѣ приводимыя мною историческія свидѣтельства касаются языческихъ славянъ и только весьма немногія относятся къ эпохѣ, слѣдовавшей непосредственно за принятіемъ христіанства, когда новое ученіе не успѣло еще измѣнить прежніе языческіе вѣрованія и нравы.

Послѣ упрека въ „невыясненности основныхъ взглядовъ“ г. Багал'йй переходитъ къ оцѣнкѣ моего мнѣнія о значеніи Гердера въ славянской исторической литературѣ. Оцѣнку эту проф. Багал'йй начинаетъ съ насмѣшки, что я даю „громкое названіе *изслѣдованія*“ четыремъ небольшимъ страничкамъ Гердера, посвященнымъ славянамъ (стр. 16).—Къ сожалѣнію, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тѣми же приемами, о которыхъ говорилось немного выше. Въ текстѣ моей книги на стр. 18-й сказано: „*небольшое* изслѣдованіе Гердера о славянахъ положило начало

новому направленію—сентиментально поэтическому“. На какомъ же, спрашивается, основаніи г. Багалѣй выпускаетъ слово „небольшое“ и такимъ образомъ совершенно искажаетъ смыслъ моей фразы? Еще раньше, на стр. 13-й я самъ указываю, что гердеровская характеристика славянства состоитъ „изъ четырехъ небольшихъ страничекъ“. Къ чему же вводить въ заблужденіе читателей? Но предположимъ, что я бы назвалъ характеристику Гердера просто „изслѣдованіемъ“, имѣлъ ли бы основаніе и тогда г. критикъ порицать меня за это? Думаю, что нѣтъ, такъ какъ значеніе мыслей измѣняется не количествомъ страницъ, которые понадобились автору для ихъ изложенія.

Проф. Багалѣй расходится со мной совершенно во взглядѣ на происхожденіе гердеровской характеристики славянства. Я считаю характеристику эту апріорной, по мнѣнію же г. критика „вся она состоитъ изъ фактическихъ данныхъ, служащихъ подтвержденіемъ общихъ выводовъ и почерпнутыхъ изъ историческихъ пособій“ (стр. 16. Это говоритъ проф. Багалѣй, отрицавшій тремя строчками выше значеніе „изслѣдованія“ за гердеровской характеристикой славянства!). Изъ какихъ? На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта въ разсужденіи г. критика, который ограничился лишь замѣчаніемъ, и то сдѣланнымъ въ скобкахъ, что „въ числѣ (этихъ пособій) было и столь богатое фактическими данными сочиненіе Антона“ (стр. 16). Но книжечка Антона in—16 листа далеко не богата фактическими данными; но если бы она и была богата ими, то на критикѣ лежала обязанность, въ виду особенной важности затронутаго вопроса, привести эти фактическія доказательства, а не ограничиться однимъ голословнымъ заявленіемъ.

„Генетическая связь работъ Суровецкаго и Шафарика“, продолжаетъ г. критикъ, съ характеристикой Гердера не установлена г. Собѣстіанскимъ, да и не могла быть доказана.... Ни Суровецкій, ни Шафарикъ (въ „Славянскихъ Древностяхъ“) не ссылаются на Гердера и утверждать, чтобы мнѣнія ихъ о характерѣ древнихъ славянъ были позаимствованы у Гердера, нѣтъ никакихъ основаній“ (стр. 17).—Что касается Суровецкаго, то я напомнимъ проф. Багалѣю свой диспутъ и мнѣніе о занимающемъ насъ вопросѣ М. С. Дринова, который призналъ доказанною генетическую связь между работами Суровецкаго и Гердера (см. т. V-й Историческаго Обзорѣнія стр. 181—182). Если М. С. Дриновъ, котораго г. Багалѣй самъ считаетъ „авторитетнымъ“ и „осторожнымъ“ ученымъ (стр. 1), согласился съ моими доводами, то имѣлъ же значить я основаніе говорить о вліяніи Гердера на Суровецкаго. Переходя къ Шафарику, я долженъ замѣтить, что онъ не только ссылается на Гердера, но и дословно цитируетъ почти всю гердеровскую харак-

теристикѣ славянства, называя ее „прекрасной и вѣрной“ („eben so schön als treffend“.—Gesch. der slaw. Liter. стр. 16—17; см. еще ссылку на Гердера на стр. 51).—Любопытно, что г. Багалѣй, въ столь категорическихъ выраженіяхъ отрицающій вліяніе Гердера на Шафарика, въ другомъ мѣстѣ самъ доказываетъ это вліяніе. На стр. 16-й читаемъ: „послѣдующіе слависты, въ родѣ Добровскаго, Кошитары и (*прибавимъ отъ себя*) Шафарика, приводили въ своихъ сочиненіяхъ его (т. е. Гердера) характеристику“; а на 58-й страницѣ находимъ: „изъ русскихъ славистовъ *упрекали Шафарика* за усвоеніе мнѣнія Гердера о кротости славянъ Венелинъ и Савельевъ“. Таковы приемы г. Багалѣя.

Чтобы покончить съ Гердеромъ, мнѣ остается остановиться еще на слѣдующихъ двухъ фразяхъ проф. Багалѣя: „наиболѣе самостоятельными представляются тѣ страницы книги проф. Собѣстіанскаго, которыя посвящены уясненію вліянія Гердера. На самомъ же дѣлѣ вопросъ о вліяніи Гердера на славянскую исторіографію не новъ—онъ имѣетъ уже цѣлую исторію, которую впрочемъ игнорируетъ проф. Собѣстіанскій“ (стр. 58). Можно только сожалѣть, что г. критикъ не только не изложилъ намъ этой „исторіи“, но даже и не наименовалъ тѣхъ сочиненій, по которымъ я могъ бы познакомиться съ этой „исторіей“ и поучиться кой-чему. Въ своемъ разсужденіи проф. Багалѣй цитируетъ только слова Венелина и Савельева-Ростиславича (стр. 58—59). Но о протестѣ Венелина противъ гердеровской характеристики славянъ я самъ говорю въ своей книгѣ на стр. 69-й; слѣд. Венелина приходится исключить. Что же касается Савельева-Ростиславича, то ниже-слѣдующее его мнѣніе о Гердерѣ (которое, замѣтимъ, онъ высказалъ не въ текстѣ своей книги, а въ *примѣчаніи*) никоимъ образомъ не можетъ составить „цѣлой исторіи“: „Добрый, благородный Гердеръ, умѣвшій цѣнить нравственные достоинства нашего племени, самъ однако ошибся и другихъ вовлекъ въ ошибку мнѣніемъ о тихомъ, спокойномъ характерѣ этихъ племенъ, представляемыхъ вездѣ какими-то аркадскими пастушками вопреки всѣмъ событіямъ достовѣрныхъ временъ балтійской славян“.—Итакъ мнѣніе г. Багалѣя, что вопросъ о вліяніи Гердера на славянскую науку имѣетъ „цѣлую исторію“ является бездоказательнымъ. А. Н. Пынинъ, авторитетъ котораго признаетъ и проф. Багалѣй, въ той самой статьѣ, въ незнакомствѣ съ которой упрекалъ меня г. критикъ, держится иного взгляда, нежели г. Багалѣй. По его словамъ, Гердеръ, не смотря на его вліяніе на нашу литературу и на его славу, мало былъ извѣстенъ у насъ, и хотя его знаменитыя „Идеи“ были переведены на русскій языкъ, но „книга прошла незамѣченной“ (Вѣстникъ Европы 1890, апрѣль стр. 671).—Въ рецензіи на мою

книгу, помѣщенной въ Вѣстникъ Европы (1892, іюнь, стр. 853—854) читаемъ: „значеніе Гердера для литературы славянскаго возрожденія, какъ и трактатъ Руссо о Польшѣ, были давно извѣстны, но никто до сихъ поръ не раскрылъ ихъ съ такою полнотою“.

Проф. Багалѣй нападаетъ на меня за мое непочтительное отношеніе „къ почетнымъ авторитетнымъ и заслуженнымъ дѣятелямъ науки“. Особенно „тягостное впечатлѣніе“ произвело на него мое обвиненіе Шафарика въ негласномъ заимствованіи V-й главы „Исторіи славянскихъ литературъ“ изъ церковныхъ проповѣдей Колляра (стр. 57—58). „Проф. Собѣстіанскій“, замѣчаетъ г. Багалѣй, „совершенно игнорируетъ то, что сказалъ самъ Шафарикъ въ предисловіи къ своему труду относительно способа пользованія источниками: „Ich habe, говоритъ онъ, das meinem Plan passende meist wörtlich daraus entlehnt...“ Въ его планъ прямо входило по большей части буквально заимствовать изъ источниковъ“ (ibid).—Приведенныя проф. Багалѣемъ слова Шафарика не имѣютъ никакого отношенія къ V-й главѣ его „Исторіи славянскихъ литературъ“. Глава эта начинается небольшимъ введеніемъ, въ которомъ Шафарикъ самъ говоритъ, что самостоятельно разработалъ эту часть своего труда; вотъ его подлинныя слова: „Если принять во вниманіе, сколько нужно имѣть опыта и знанія людей, *какую самостоятельность взгляда и сужденій*, чтобы быть въ состояніи изобразить вѣрно, согласно съ его природой, характеръ народа, не нанося ущерба и не обижая чужого или своего, по причинѣ незнанія, утѣрашаго патріотизма или космополитизма, то *одно уже чувство религіозно-нравственной страха должно заставить или воздержаться отъ всякаго подобнаго рода сужденій, или же приниматься за дѣло съ величайшей осторожностью, осмотрительностью и скромностью*. Но опытъ показываетъ, что во всей литературѣ ни одинъ вопросъ не трактуется съ такою поспѣшностью и легкомысліемъ, какъ именно столь трудная для вѣрной передачи характеристика отдѣльныхъ народностей. Со страхомъ и смущеніемъ, имѣя въ виду доказать правдивость такого приговора относительно характеристики славянства, до сихъ поръ составлявшейся преимущественно иностранцами, *осмѣливаюсь я произнести нѣсколько словъ по чистой совѣсти и крайнему разумнью о столь священномъ для меня предметѣ*“ („Gesch. der slaw. Sprache und Literatur“, стр. 43—44). Такъ какъ V-я глава „Исторіи славянскихъ литературъ“ Шафарика вопреки заявленію послѣдняго, является не самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, а дословнымъ переводомъ на нѣмецкій языкъ, съ незначительными лишь сокращеніями, двухъ церковныхъ проповѣдей Колляра, то я имѣлъ полное право говорить о несамостоятельномъ характерѣ V-й

главы и отмѣтить противорѣчіе между введеніемъ и остальною ея частью. Считаю не лишнимъ замѣтить, что на диспутѣ, М. С. Дриновъ, авторитетъ котораго, какъ я уже сказалъ, признаетъ и г. Багалѣй, не только согласился съ моими доводами, но и замѣтилъ, что моя характеристика V-й главы „Исторія славянскихъ литературъ“ является „интереснымъ открытіемъ“ (V-й т. Историческаго Обзорѣнія стр. 182).

Возраженія г. Багалѣя, направленные противъ 7-й главы моей книги, съ перваго же взгляда обличаютъ, что мы имѣемъ дѣло не со специалистомъ славистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать въ настоящее время (какъ это дѣлаетъ г. критикъ) приведенія *новыхъ* какихъ нибудь свидѣтельствъ, которые не были уже „въ научномъ обиходѣ“? Начиная съ Мавро-Орбини, славянскіе ученые пользовались и цитировали наиболѣе характерныя изъ этихъ свидѣтельствъ, а Стриттеръ еще въ 1774 г. сгруппировалъ большую часть сказаній византийскихъ писателей по занимающему насъ вопросу (см. т. II его „*Methodiae porulogum*“...). Г. Багалѣй упрекаетъ меня въ томъ, что я не привожу „*почти* никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя были уже въ научномъ обиходѣ“ и что моя самостоятельность выразилась въ томъ, что я „иногда изъ источниковъ, отмѣченныхъ другими учеными, беру лишь *нѣсколько больше*“ (стр. 20).—Послѣ работъ Стриттера, Дринова, Гильфердинга, Котляревскаго, Макушева, Иловайскаго, Иречка, Богуславскаго только тотъ внесетъ „новое“ по занимающему насъ вопросу въ славянскую науку, кто откроетъ „новый памятникъ“. Моя задача заключалась не въ открытіи „новыхъ свидѣтельствъ“ (если бы я ихъ открылъ, то упомянулъ объ этомъ), а въ томъ, чтобы собрать въ одно цѣлое и возможно полнѣе и ближе къ подлинникамъ передать наиболѣе характерныя изъ историческихъ свидѣтельствъ о воинственности и жестокости древнихъ славянъ. Такъ какъ чтеніе нѣкоторыхъ изъ памятниковъ представляетъ затрудненія, то въ приложеніи я представилъ выписки изъ оригиналовъ, предоставляя возможность каждому провѣрить переводъ и указать его неточности.—Продолжая разбирать 7-ю главу, г. Багалѣй обвиняетъ меня на стр. 20-й, въ томъ что я „*ни однимъ словомъ*“ не обмолвился о пособіяхъ, принесшихъ мнѣ пользу (любопытно, что проф. Багалѣй тутъ же признаетъ за нами „формальное право“ (?) не упоминать о пособіяхъ). Здѣсь опять проф. Багалѣй уклоняется отъ истины, такъ какъ въ 7-й главѣ я два раза ссылаюсь на трудъ М. С. Дринова „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами“ (см. примѣч. 156 и 167). Замѣчу кстати, что г. критикъ въ совершенно неправильномъ свѣтѣ представляетъ и только что упомянутый трудъ М. С. Дринова. По его сло-

вамъ, М. С. Дриновъ въ этомъ трудѣ „интересовался почти исключительно данными о заселеніи Балканскаго полуострова и подбиралъ, конечно, факты, относящіеся къ этому вопросу (стр. 20). М. С. Дриновъ первый изъ новыхъ славистовъ возсталъ въ своей книгѣ противъ мнѣнія Шафарика о мирномъ и пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ и приводимые имъ факты имѣютъ именно цѣлью доказать, что славяне вооруженною рукой заняли Балканскій полуостровъ.—Упрекъ, дѣлаемый проф. Багалѣмъ, что я самостоятельно не штудировалъ памятниковъ, а лишь „новыписывалъ“ мѣста, указанные въ сочиненіяхъ М. С. Дринова, Д. И. Иловайскаго и др. (стр. 19—20, 25—26), указываетъ на пристрастное отношеніе г. критика къ моей книгѣ. Какъ же могъ я *полнѣе* этихъ ученыхъ излагать содержаніе нѣкоторыхъ памятниковъ, если бы я не штудировалъ ихъ? Это разъ. А во вторыхъ, если бы проф. Багалѣй, вмѣсто того чтобы непроизводительно тратить время на сопоставленіе страницъ моего изслѣдованія съ страницами книги М. С. Дринова, заглянулъ въ примѣчанія къ моему сочиненію, то непременно замѣтилъ, что многія цитаты я дѣлаю по Migne'у, М. С. Дриновъ же ссылается на другія изданія памятниковъ (ср. напр. примѣч. 160, 170, 171 моей книги съ примѣч. 78, 123, 171 книги М. С. Дринова).

Проф. Багалѣй высказываетъ сожалѣніе, что „по недостатку *мѣста*“ не имѣетъ возможности „подвергнуть такому же тщательному анализу“ второй части моего сочиненія, какому онъ подвергъ первую (стр. 27). Странно слышать сожалѣніе о недостаткѣ мѣста въ критикѣ, обнимающей цѣлыхъ четыре печатныхъ листа (59 страницъ)! Если г. Багалѣй нашелъ возможнымъ удѣлить четыре страницы изложенію содержанія всѣмъ извѣстнаго труда Д. Я. Самоковсова—„Начала политическаго быта древне-русскихъ славянъ“—и помѣстить въ своемъ разсужденіи цѣлый рядъ длинныхъ и ничего не говорящихъ фразъ, въ родѣ, наиримѣръ, такой, что мое „изложеніе напоминаетъ не умное объективное изслѣдованіе, а обвинительный актъ склоннаго къ увлеченіямъ и преувеличеніямъ прокурора; но за обвинительнымъ актомъ идетъ еще судебное разбирательство, допросъ свидѣтелей, рѣчи“ и т. д., и т. д. (см. стр. 18), то тѣмъ болѣе онъ *долженъ* былъ отыскать мѣсто для подробнаго анализа второй части моего труда въ особенности потому, что, на мой взглядъ, эта часть, по затронутымъ вопросамъ, гораздо важнѣе первой.

Оставляя безъ отвѣта замѣчанія г. Багалѣя по разнымъ мелкимъ вопросамъ, я останавлиюсь еще на двухъ его возраженіяхъ, изъ которыхъ одно касается происхожденія ученія Лелевеля объ общинномъ

быть, а другое—русских славянофиловъ. „Что Лелевель сочувствовалъ демократическимъ принципамъ Руссо“, говорить г. Багал'й, „это всѣмъ извѣстно; но чтобы и его теорія древне-славянскаго гминовладства была *исключительно* (курсивъ самого г. Багал'я) порождена сочиненіями Руссо, проф. Собѣстіанскимъ не доказано“ (стр. 28).—Я не знаю, насколько спокойно и внимательно г. Багал'й читалъ мою книгу, но могу заявить только одно, что ни въ диссертаци, ни на диспутѣ (см. V-й т. Истор. Обзор. стр. 186—187) я не говорилъ, и не могъ говорить, будто теорія Лелевели была *исключительно* порождена сочиненіями Руссо. На стр. 110-й моей книги сказано: „теорія общиннаго быта сложилась въ умѣ Лелевели *главнымъ образомъ* (въ текстѣ моей книги вѣтъ курсива) подъ влияніемъ Ж. Ж. Руссо“ (см. еще стр. 206). Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ проф. Багал'й прибѣгаетъ къ пріемамъ, о которыхъ упоминалось нѣсколько разъ выше. О русскихъ славянофилахъ г. критикъ замѣчаетъ: „проф. Собѣстіанскій не счумѣлъ даже представить ученій (славянофиловъ) въ должной перспективѣ и отвелъ первенствующее мѣсто тѣмъ теоріямъ, которыя въ исторіи изученія русской общины занимаютъ менѣе важное положеніе; о Бѣлиевѣ же и Лешковѣ онъ говоритъ только въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ“ (стр. 48). На это замѣчаніе я ограничусь лишь приведеніемъ моихъ словъ, сказанныхъ на диспутѣ въ отвѣтъ Н. О. Кулеваскому. „Изложеніе свое я прервалъ на К. Аксаковѣ, такъ какъ вижу въ его произведеніяхъ типичнѣйшее выраженіе теорій общинности, какого она когда либо достигала“ (Истор. Обзор. т. V-й, стр. 185).

Я уже указывалъ, что проф. Багал'й весьма нерѣдко прибѣгаетъ къ ироніи и насмѣшкамъ. Я считаю недостойнымъ себя отвѣчать на такія замѣчанія, что „проф. Собѣстіанскій открываетъ на Руси князей до призванія Рюрика (всѣмъ прекрасно извѣстныхъ) и этимъ открытіемъ побѣдоносно побѣждаетъ русскихъ славянофиловъ“ (стр. 32, прим. I-е); но одна ироническая фраза г. Багал'я заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться. „При такой критикѣ источниковъ“, говорить проф. Багал'й, „дѣло не обходится иногда и безъ курьезовъ: на стр. 202-й проф. Собѣстіанскій говоритъ: „обычай многоженства сохранился и долго послѣ введенія христіанства. Аще двѣ жены кто водить, говоритъ Уставъ князя Ярослава, епископу 40 гривенъ, а которая подлегла, та поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону. Пользуясь такимъ пріемомъ доказательствъ, можно утверждать, что и въ настоящее время у насъ въ Россіи, среди православныхъ, существуетъ многоженство, ибо въ Сводѣ Законовъ также предусмотрѣны случаи двоеженства и наказаній за него“ (стр. 33).—Намъ кажется болѣе

чѣмъ страннымъ слышать подобнаго рода рѣчи изъ устъ профессора Русской Исторіи! Неужели г. Багалѣй не знаетъ, что вѣѣшнее сходство постановленій Свода Законовъ и древняго памятника, именуемаго Церковнымъ Уставомъ Ярослава, ничего не доказываетъ? Для правильнаго пониманія цитируемаго мною предписанія Устава Ярослава необходимо имѣть въ виду прежде всего характеръ той эпохи, къ которой онъ относится. Вѣѣдъ нельзя же вырывать древніе памятники изъ окружавшей ихъ исторической обстановки и объяснять содержаніе этихъ памятниковъ съ точки зрѣнія Свода дѣйствующихъ законовъ! Въ своей книгѣ я привожу цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ, относящихся и къ болѣе ранней и къ болѣе поздней эпохѣ (свидѣтельство вашей начальной лѣтописи, арабскихъ писателей и митрополита Іоанна— (стр. 202—203), которые не оставляютъ никакого сомнѣнія, что языческій обычай многоженства упорно держался у насъ; а это даетъ намъ полное право заключать, что приводимая статья Церковнаго Устава направлена была противъ этого обычая и, слѣдовательно, служить однимъ изъ доказательствъ существованія въ христіанскую эпоху многоженства. Такъ понималъ эту статью Устава Ярослава и такой серьезный изслѣдователь, какъ Филаретъ, архіепископъ черниговскій, который, доказывая существованіе въ христіанскую эпоху языческаго обычая многоженства, первое мѣсто отводитъ именно интересующей насъ статьѣ (см. „Исторію Русской Церкви“. Изд. 4-е, 1862, стр. 85).

Два слова еще по поводу нападковъ г. Багалѣя на мой диспутъ. На страницѣ 2-й читаемъ: „проф. Собѣстіанскій, при защитѣ своей диссертациі, высказалъ странный мыслъ, что онъ не историкъ и не филологъ, а юристъ, и что его книга *удовлетворяетъ только требованіямъ, предъявляемымъ къ юридическимъ диссертациямъ*“. На диспутѣ я дѣйствительно упомянулъ, что я не филологъ, но я не говорилъ и не могъ говорить, будто книга моя удовлетворяетъ только требованіямъ, предъявляемымъ къ юридическимъ диссертациямъ. На страницѣ 190-й Историч. Обзорѣнія сказано: „Отвѣчая своему оппоненту, г. Собѣстіанскій сказалъ, что тацитовскихъ венетовъ не онъ одинъ, а и большинство другихъ ученыхъ признаетъ славянами. *Какъ не филологъ*, онъ допускаетъ возможность и другихъ неточностей въ текстахъ“... Проф. Багалѣй заявляетъ, что моя книга „носитъ на себѣ яркій отпечатокъ индивидуальности автора“, и что „вліянія школы въ ней мы не замѣчаемъ“ (стр. I-я). Если проф. Багалѣй подѣ „школой“ понимаетъ слѣпое слѣдованіе мнѣніямъ извѣстной группы ученыхъ, то я ничего не имѣю противъ его замѣчанія; прибавлю лишь, что и для ученаго, принадлежащаго къ извѣстной „школѣ“, должна существовать нравствен-

ная обязанность говорить правду, приступить къ изученію вопроса *sine ira et studio*, не искажать умышленно чужихъ словъ. Что же касается „отпечатка индивидуальности“, то, воспользовавшись характерными особенностями ученыхъ трудовъ г. Багалѣя, я могъ бы долго бесѣдовать съ нимъ на эту тему, но считаю недостойнымъ ученаго затрогивать индивидуальныя особенности авторовъ.

Разобравъ спокойно критическое разсужденіе г. Багалѣя, мы убѣждаемся, что всѣ тѣ возраженія, которыя могутъ быть названы существенными, позаимствованы имъ у моихъ оппонентовъ на диспутѣ: М. С. Дринова, А. Н. Стоянова, Н. О. Кушлеваскаго и М. А. Остроумова; собственныя же возраженія г. критика носятъ характеръ придиорокъ и передержекъ. Если серьезная и объективная критика является однимъ изъ главныхъ условій движенія науки впередъ, то критическія упражненія, въ родѣ разсужденія проф. Багалѣя, не приносятъ никакой пользы наукѣ; онѣ лишь подрываютъ въ читателяхъ довѣріе къ ученымъ трудамъ и заставляютъ тратить время совершенно непроизводительно какъ самаго составителя критики, такъ и того, кто бываетъ вынужденъ отвѣчать.

И. Собостьянскій.
